Сергей Побокин

ДОМА – КРОССВОРДЫ

СБОРНИК СТИХОВ

Анжеро-Судженск
2020

ВМЕСТО АННОТАЦИИ

Конец XX столетия. В Кемерово кипит литературная жизнь, при обкоме комсомола действует объединение «Притомье», организованное по инициативе поэта и публициста Г. Юрова. Со всех уголков Кузбасса здесь собираются молодые таланты. Правда, занятия, в понимании этого слова, не проводились. Ходили в мастерские художников, посещали «Дом актёра». Помещение союза Писателей на Советском проспекте 40, неприспособленное для массовых мероприятий, ещё ждало реконструкции.

Поэтому мы встречались с любителями поэзии в холлах вузов или в залах кинотеатров. Как я сейчас убеждён: с пользой. Непроизвольно возникали дискуссии по разным вопросам. Это привлекало молодёжь к творчеству, поиску своей ниши в литературном процессе.

Однако поэты редко приглашают посторонних и коллег, на свою литературную кухню. Обыкновенно начинающие, наделённые Божьей искрой, повторяют путь предшественников. Изучают творчество авторов, которые, как говорится, на слуху. Постигают ремесло. Счастливцы, попавшие в центральные издания, обязаны держать на должном уровне литературную планку, и, главное, как я думал тогда, владеть формой.

Отягощенный такими мыслями, зашёл в художественную мастерскую около Искитимского моста, рядом с ювелирторгом «Кристалл». В застеклённых стеллажах художники выставили работы. Были здесь и поделки из пластического материала. Внимание привлекло странное создание, не обладавшее признаками известной фауны. Обыкновенный кусок глины, намятый руками художника, создавал впечатление жизни, он словно

излучал энергию и, казалось, сейчас задышит. Ещё позднее познакомился с репродукцией картины: «Без вести пропавший» художника Андрея Горского. Техника письма меня не заинтересовала, она, как мне показалось, отдавала плакатностью и примитивом, но мысли и чувства, вложенные в сюжет, были настолько гуманны и человечны, что я стоял как оглушённый, и после долго находил под впечатлением увиденного. Стало совершенно ясно, что зрителя, читателя нужно уметь подтолкнуть к переживаниям вместе с героями творения, заставить мыслить вместе с тобой! Но как этого добиться? Нет готовых рецептов. Но, художник не должен быть равнодушным ремесленником. Этой концепции я стараюсь придерживаться.

Объём книги небольшой, но создавалась она долго. Менялись и переписывались стихи заново, их очерёдность – тоже. В конце кон-

цов, не стал располагать стихи по темам, направлениям, ключевым вехам судьбы, а составил по принципу не скучного восприятия и неожиданной подачи. Творчество - всегда открытие. Эта тема нашла место в целом ряде стихотворений. Не важно, сколько ты сказал – важно чтобы тебя услышали.

Автор

* * *

Многоклеточная тьма
Прячет каменные орды.
Ночью здания, дома
Так похожи на кроссворды.

Никнет буйна голова
Над стихом, удачи редки.
Но ищу в душе слова,
Заполняю окна – клетки.

МОТИВ ЛЕТНЕЙ НОЧИ

Чибис где-то вдали
Плачет в поле то тихо, то громко.
И, качаясь, горит
Над затоном прохладным звезда.
Вот сейчас упадёт,
Влагу сонную выплеснет звонко,
Словно юность мою ...
И умчатся с водою года!
Тихо плещет волна,
Чуть колышется ива,
Чутко дремлет храня
Трепет призрачных рук.
Тихо плачет волна,
А долина грустит молчаливо
Дивно воды струю
Заплетают в серебряный звук.
В мире дрёмном витает
Тягучая древняя тайна,
Но однажды с зарёю
Придёт просветления миг.
Что-то мыслит тростник,
Задевая о звёзды случайно.
Над плывущей луною
Склоняется сонно кулик.

* * *

Мне лицо обовьют ветерки,
Возле плёса излука знакома,
На ребристой доске реки
Ветры синь отстирали до звона!

Вдруг нежданно примчатся слова,
Словно птицы влетев в окна дома.
Даже в гневе природа права:
Вспышкой молнии, залпами грома!

И роднее мне день ото дня
Тени сумерек, в небе закаты,
Старый плёс с отраженьем огня,
Где, вернувшись, стою виновато...

2001

ИСКИТИМКА

Привет речушке Искитимке.
Её давно уж рядом нет,
Она за далью в лёгкой дымке,
Из детства излучает свет.

Там берег в плитах, как граните,
У зданий европейский вид.
Там и любви моей граница,
Там и любви моей гранит.

Отсюда город вырос скоро,
К далёким рубежам стремясь.
Но здесь души моей опора,
С собой и родиною связь.
2008.

У РЕКИ

Мы молча грелись у костра,
Дымились мокрые поленья.
Вздремнули чутко, но пора!
Погас огонь и звёзд свеченье.

Тропинкой двинулись к реке:
Поймать на плёсе рыбу – князя.
Не дался язь, и налегке
Вернулись думая о сглазе.

Мой друг собрал ружьё, и вот
Идёт туда, где видел утку.
Из плёса лошадь солнце пьёт,
А дичь попряталась в минутку.

« За что же эта маята?» -
Мы вопрошали не без злости.
Причина же была проста:
« С оружием не ходят в гости!»

1995 г.

В СТОЛОВОЙ

Варится шурпа овечья,
На печи кипит компот.
Повар крут: икрой-картечью
Снаряжает бутерброд!

И привычно здесь, над нами,
Средь малёванных ветвей,
С инозвёздными мирами,
Светит медный Водолей.
2008 г

* * *

Мой пращур под звездой высокой
Не пел стихи, в кулак, роняя слёзы.
Тогда ещё у речки синеокой
Не появились ивы и берёзы.
В заре купался хвощ багряный,
По влажной и бесцветной выси
Летел угрюмо ящер странный
Как чёрная о смерти мысль...
И зверь и сытый, и голодный
Топтался в чаще, как в приёмной.
И мир был каменный, холодный,
Поэзией не оживлённый.

2000.

* * *

Туда, где в зелени поля,
В озёрах синих воды гладки,
Туристы, весело руля,
Везут в багажниках палатки.

Дыханье лета горячей –
Ни тучки нет на ясном небе.
На жарком солнечном луче
Замешен густо птичий щебет.

От трелей горизонт кипит,
Гуляют куры у ограды,
У рощи ручеёк сопит
Почти что майскою прохладой.

В строю застывшем хвойный лес
Живое охраняет строго…
Так и бежит, не без чудес,
Просёлками моя дорога!
1980

* * *

Ещё в разгаре самом лето,
Залиты солнцем облака,
Но вдруг, печалинкой задета,
Придёт осенняя строка.

И как горчинка в помидоре,
Иль тучкою закрытый свет,
Иль крик вороны на заборе,
Напомнит: молодости нет...

И вот полны прозрачной грусти,
Что элегической зовём,
Мы пальцы в волосы запустим:
С судьбою помолчим вдвоём.

2000

РОДИНА

Мотоцикл на размокшей дороге
Да разбитые ветром поля.
Почему-то уж очень немногим
Мне запомнилась наша земля.

Но в наитье особое веря,
Я умом разобраться не смог:
Чем же дорог мне скрип коростеля,
Лес, завязший в закате, и стог?

1996 г

* * *

И вновь легко как в детстве мне:
Звенит по роще птичье лето,
В речном и медленном огне
Сгорает отраженье леса.

Он будет сниться мне потом
В моей ночи седой и поздней,
Мне каждой веточкой знаком
С пичугой – ноткой не серьёзной!

1997г

РОНДО

Книга, роза и жасмин
На распахнутом рояле.
Слышен лепет мандолин:
 Рондо девушки играли.

Пламя музыки звучит
На него лететь не страшно,
Словно свет поёт в ночи.
Так мелодия прекрасна!

По её скользит следам
Вдохновение поэта...
К нотным трепетным листам
Льнула роза до рассвета!

Певчих клавиш, струн и рук
Неуёмный поединок,
И взлетал, светился звук
С тонким запахом жасмина.

2003

СМЯТЫЙ СНЕГ
(шутка)

И вдруг свалился снегопад
На травы и цветы в июне.
Ну что ж живём в Сибири, брат,
Зазря не распускаем нюни.

Какой тут, вроде бы, мороз,
Но пальцы почему-то стынут.
А снег, белей твоих берёз,
Из января зачем- то вынут.

Пришёл с работы человек,
И словно бы в груди булавка -
Вот сапожищем смятый снег:
« Ну, погоди, тихоня, Клавка!
1995 г

РОДНИЧОК

Чей услышишь голос
В чуткой, сонной мгле?
Ручеёк, как полоз,
Вьётся по земле.
И бегут тропинки
В гости к ручейку.
Чтоб не мять травинки,
Бросил тут доску.

Ранним часом зорким
Зорькой золотой,
Прихожу с ведёрком,
Ухожу с водой.
2008

СИВКА

Он тянет груз через болото,
Не раз отстёганный кнутом.
Вот так всегда – вперёд работа,
А сено как-нибудь потом.

Он в этой вечной круговерти
Пожалуй, намертво, увяз.
Залез в хомут до самой смерти,
Безмолвно слушается нас.

А на телеге конюх стонет,
С похмелья всё и всех кляня!
Хотя по правде, он не стоит
Копыта этого коня.

2007

РАЗГРУЗКА ВАГОНА

Рессоры сплющены тяжёлыми
кулямями.
Всё тяжелей очередной мешок.
И трап скрипит под грузными
шагами,
От влажной соли потемнел и взмок.
А солнце жжёт.
Вдохнуть бы грудью ветра!
Когда же долгожданный перекур?
Шуршит в мешках слежавшаяся
«Экстра»,
И бригадир глядит на нас вприщур.
Кто выдюжит – останется в бригаде,
Ведь люд залётный наследил и тут:
Едва проставят сумму им в наряде,
Как будто бы сквозь землю
пропадут.
Пускай сгибает ноги притяженье,
Когда несу мешок я на горбу –
Не сдаться!
Потерпеть ещё мгновенье!
Бреду, набычась, закусив губу.

Потом курили, торопились: поздно!
Товарищ отшвырнул окурок:«Пли»
И мы, пиная в мутных лужах
звёзды,
Себя в бытовку дружно понесли.
1988

ФЕРГАНА

Фергана, ты как в Сибири – баня.
Жар вокруг и тот же гам и крик.
Тополь, окна ветками тараня,
Слушает: о чём журчит арык.
Жаждущие пьют из бочки пиво,
Мутное, как грешника слеза,
Не спасает кипариса грива.
Солнце словно сыплет соль в глаза.
В паранджах старушки иль
молодки,
Не прозришь таинственную сеть ...
Что там пиво! Даже после водки
За чадрой Восток не рассмотреть.
Да и всё здесь как-то по-другому
С удивленьем замечает взгляд:
Женщины работают по дому –
За прилавком мужики стоят...
И зовут меня с родной сторонки
Электричек звоны до зари
И на пляже вольные девчонки,
И в реке ельцы и пескари.

1980

* * *

Не говорю, что с ними слитен я,
Но в луговинах и лесах
Для сердца скрыто что-то личное,
Необъяснимое в словах.

Когда хочу осенней ранью я
Позябнуть с рощицей вдвоём...
Не это ль скромное желанье
Мы чувством родины зовём.

1985

* * *

Ф. Г.Л.
Красу нетронутой храня,
Она уходит от объятий.
И только лишь, в разрезе платья,
Сверкнёт коленка, как блесна.

Блистай, волнуя и губя.
Срывайтесь вслед мальчишки слепо
Полоской алой спеет лето
На молодых её губах.

Она идёт туда, где смех,
Где холодок вина в бокале.
Как стеарин сгорает снег,
Любовной пригубив печали!

1995

* * *

Отгремели весенние грозы,
Влажных пашен томился простор.
Занялись мы полезной прозой:
Сушняком накормили костёр.

Наши светом облитые дети
Пили сладкую силу берёз,
И откуда то, с края планеты,
Ветер запах июня принёс.

Птичий голос звучал неизвестный,
Роща плакала светлой слезой,
Цвёл подснежник ребёнок
небесный,
Неприметной сияя красой.

1992

СТАРЫЙ ПАРК

Там режут воздух
Лезвия листов.
Снуют пернатые
По сини небосвода.
У старой клумбы,
Сломанных цветов,
Старик замшелый
Горбится у входа
В заглохший парк –
«Бичам» судьбы подарок...
Содрали письмена
Извёстку с тела арок.
От сердца со стрелой
Повеет пошлой скукой.
Забор стоит кривой
Вдвоём со вшивой сукой.
И чей-то слабый крик
Уйдёт искрой в поджилки,
Как мышь шмыгнёт старик
И соберёт бутылки.

1978.

ЦЫГАНСКИЙ МОТИВ

Мы цыганские песни пропели,
Отпылал на поляне костёр!
Песни те уж давно отзвенели
И умчались на вольный простор.

И по белой, холодной метели
Мчится тройка, прогнав холода,
Годы юности следом летели,
Не вернутся ко мне никогда!

Сердце мне никогда не согреет
В дальнем таборе вольный костёр.
Только давним оттуда повеет,
Что любил и люблю до сих пор!

Где та встреча короткая наша
На дороге цыган кочевой?
Лишь цыганка лукавая Даша
Мне из прошлого машет рукой.

2005

ЦЫГАНЕ

Стоят кружком палатки на поляне
Белёные и солнцем, и дождём,
Разбили табор в рощице цыгане
Я к ним забрёл однажды будним
днём.
Но где гитары, где веселья
вспышки?
Всё просто, сиро, буднично вокруг.
Женатые, серьёзные мальчишки
Споют тебе и спляшут, но не вдруг.
Неподалёку колосится поле
И ветерок резвится у леска.
Веками в грёзах их – простор и
воля,
А жизнь бесцветная не на века.

1991

СЕВЕРНЫЙ РОМАНС

Где-то далеко на крайнем Севере,
Где плывут, качаясь, сейнера,
Девушка жила, звалася Верою,
И была красива и добра.

Моряка отважного любила,
Гордая в девичестве своём.
И, когда волна о берег била,
Всё вздыхала, думая о нём.

Где касатки сторожат пучины,
Где простор штурмующим волнам,
Налетев на мину, субмарина
Раскололась вдруг напополам.

И в слезах рыдала горько Вера:
По лицу размазывая грим...
И глядел в окно суровый Север
Неподкупен и неумолим.

2007

БАЛЛАДА ОБ ОДНОМ РЕЙДЕ

Кавказ. Орлы и горы,
Вершин суровый вид...
Проснусь, и рана старая
Проснётся и болит.

Пот лез в глаза солёный,
Ствол миномётный нёс
Кремнистой горной тропкой,
Пыхтя как паровоз.

Давила плечи ноша
Чем выше, тем сильней.
Но мне тогда казалось:
Чем выше – тем синей!

Рокочут вертолёты
Им нипочём жара!
Эх, матушка – пехота:
Винтовка, да – « Ура!»

Несладко приходилось,
Досталось крепко мне:
Однажды вспыхнул факелом
На танковой броне.

А здесь помог зачистить я
Позицию врага!
Земля хоть и кремнистая,
Но чем-то дорога.

А небо там как небо –
Туман да радуг смесь.
Не твердь, скажу, земная,
Но притяженье есть.

Пусть награждён я не был
За бой высотный тот.
В себе ношу я небо,
Хотя и не пилот!

2000

* * *

Слова прихлынули ко мне
Как ветер на поля с угора.
Октябрь полыхал в окне,
Рука писала строчки споро.

В них жили речка, поле, лес
И озера живая линза.
И столько мыслилось чудес,
Раздольных, как сама Отчизна.

И так легко дышалось мне
В снегах, дожде иль птичьем гаме.
В осеннем трепетном огне,
С дорогой мудрой под ногами.
2005.

ВЕСНА

В пластах наломанного снега
Немела льдинкой тишина,
Но с дикой яростью набега,
На город ринулась весна,

Она в сердца стучала смело,
Гнала за горизонты даль.
Катаясь в стоках, влага пела,
И в лёд стучала гневно сталь.

И осыпались снегом громко
В горячей сини тополя.
А там, вдали, где леса кромка,
Теснились тучные поля.

И чья-то древняя избушка,
Чей век кащеевский тягуч,
Опёрлась, словно бы на клюшку,
На жаркий, животворный луч.

1980

ЧУДЕСА В БОЧКЕ

Вновь солнце оживило огород,
На ветках дружно набухают почки.
Я режу рыбу, трётся рядом кот,
А я промыв складник в нагретой
бочке,
Чтоб освежиться в жаркие часы,
Хотел уж было окунуться в бочку,
Но в бочке появились караси
И лезут в поэтическую строчку...
Кому-то я об этом расскажи -
Ведь не поверят, протопочут мимо!
Про эти куражи и миражи
Сказал философ: «Жизнь
неистребима».

1982

ПАВОДОК НА ТОМИ

И опять глазам открыто
Детство светлое моё.
Томь, как доверху корыто,
Талый снег звенит, поёт.

Всё Притомское Заречье
В набегающих волнах.
На шесте торчит скворечник,
Но пернатых выгнал страх.

Крыша высится крутая
Над рифленою водой.
Люди лодку ждут, скучая,
Рядом с мокрою трубой.

Волны схлынули с зарёю,
Веселей, мальцы, глазей.
Мужики дымят махрою,
В лужах хапают язей.

И на иле, как опара,
Овощ прёт во все концы:
Будут скоро для базара
Помидоры, огурцы.

У соседей выше – пусто,
Овощи позднее шли...
Верил я: меня в капусте
После паводка нашли.

1993

* * *

Вновь листопад подсвечен очень,
В огне холодном города,
Вновь жизнь ведёт меня
сквозь осень
Туда, куда идут года.

Но нет холодного горенья
В душе. В её живом тепле
Рождается стихотворенье
О чуде жизни на земле.

На ней немало увидал я,
Но жажду больше увидать.
Мне даже в пору увяданья
На ней не время увядать!
1999

* * *

Осень красивая как на обоях.
Сердце свободно, ноша легка,
Но на душе что-то бродит такое:
И не понять – это грусть, иль тоска!

Холод осенний душу не лечит,
Только заденет думой простой:
Лес он, конечно, прекрасен и вечен,
А под зазимок- словно чужой.

Я на последнюю вышел прямую.
Думай, не думай, гляди – не гляди!
Опытным разумом, сердцем я чую
Меньше затылков родных
впереди...

2005

* * *

Ломится ветер в двери
закрытые,
Листьев к крыльцу намело.
В тучи холодные, светом
пробитые,
Много тоски натекло.

Выйдешь в просторы,
В леса неоглядные,
Чисты берёзы как снег.
В золоте звонком такие
нарядные –
Словно красивее нет!

Дни были тёплые,
Ночи беззвёздные,
Долго держались грибы.
Вот и маслята явились
поздние,
Хоть их граблями греби!
2000

НА ЗИМНЕЙ РЫБАЛКЕ

Потрудился ты, Валер,
Как в палате акушер!
Тут такие, брат, дела:
Речка щуку родила...
Заикаясь от волненья,
Растерялся наш герой –
Эко выпало везенье:
Рыба выгнулась дугой!
Отодвинул рыбьи тушки.
Сапогом по льду скользя,
Хищно щурится на мушку:
Метит выцелить язя...

2000г.

* * *

К. Акатнову.

Такие нынче холода,
Что стынет на лету вода.
Трещат от холода берёзы,
Сломались на ресницах слёзы.
Я с холодом дружусь давно.
Есть и стихи, есть и вино,
Да звёзды из небесных рек
Да в вытрезвителе ночлег.

2000

* * *

До хруста стёжки прокалил мороз,
Впаял иголки в звёзды золотые,
И окна зимние в букетах
чудных роз,
И ноги в валенках надеты мной
впервые.

Остудой дышат ватманы зимы,
Вгоняя в сон ряды стволов и веток,
Там стынут снегири комочками
рассвета,
В шарфы горячие
вжимаем горло мы.

На остановку привела дорога
Толпа растёт, над нею шире пар.
- Устали ждать автобуса, ей Богу! –
Собрался люд на праздничный
базар.

Там вижу я знакомые приметы:
Ряды мясные людны и бодры.
Последнее своё быки сжевали лето,
В колодах острые сверкают топоры.

Зажгли снега румянец на земле.
Иду за пряностями к девке
Василисе:
Томаты в трёх литровках на столе,
И соты жёлтые, и рыжики в анисе.

За терриконом отдыхают тучи.
Лыжнёю стянуты холодные поля.
Туда, где горизонт в дымах дрожит
тягуче,
Летят составы, угольком пыля.
1990

* * *

Шуршит брезент, качаются канаты,
И гонга звук по-деловому краток.
А наши нервы нетерпеньем сжаты,
Лица не видно за щитом перчаток.
А нас спортивная сжигает злоба:
Сражаемся, как давние враги!
Поджарые, натасканные оба,
Удары градом – челюсть береги!
А после в раздевалке – шумном
мире,
Где чужакам являться не с руки,
Мальчишки спорят о своём кумире,
И еле сдерживают в гневе кулаки.
Жалеет нас техничка тетя Клава.
С лентяйкою зайдёт и скажет так:
«Дерётесь, глупые, ну что за слава -
К чужому носу примерять кулак».
Давно уже согласен с тётей Клавой.
И думаю давно без похвальбы:
Увы, не отразить ударом правой
Ни финт судьбы... и не удар судьбы.

1980

НА ДЕМОНСТРАЦИИИ

Дочери Наташе

Украсил скверы свежий, нежный снег,
Лучится полдень чистым, белым светом,
Как на пергаменте заглавной буквы след,
Горит снегирь, в багряное одетый.
Моей дочурке скоро будет три,
К окошку тянется, лопочет, донимает,
Флажок ей нужен, яркие шары
И улицы с нарядными домами.
Она уместится на папином плече,
Чтоб сквозь салюты в кумачовом цвете,
Глядеть на синеву, где шарик мчит ничей
И белый голубь грудкой режет ветер.

1982

МОЯ УЛИЦА

Эта улица мне знакома...
С.Есенин

Здесь берёзоньки шумят
В праздничных серёжках.
Одуванчики стоят
На высоких ножках!

Дремлет глупый ветерок
Средь зелёных вишен.
Рад тому ленивый смог –
Хоть и мал, да хищен.

Здесь домишки
И дома –
И почти хоромы
Среди свалок и хламья
И моторов грома.

Примеряет всё подряд
Ласковое лето.
Костью лаково блестят
Тополей скелеты...

Светом улица горит,
Синевою моясь.
Борются «богатыри»
Обнажась по пояс.

У киоска я стою,
Пью из кружки пиво,
Счастлив, хоть и не в раю,
Подбочась красиво.

ОСЕННИЙ ЭТЮД

Бригаде слесарей
А. Вавилова.
Машзавод

Ветер, ветер, в чём твоя забота?
Нагрузил на спину листьев медь.
Дым- канат тянуть твоя работа
Да в три пальца на реке свистеть.

Потемнели в синем небе тучки.
Закурить бы – денег ни гроша!
Что ж бывает. Вот такие шутки…
Рвём опята, в городок спеша.

А ещё несём ведро калины
По тропинке двигаясь. И вот
Озеро прошли, овраг, низину,
А вдали дымит родной завод.

И больна от смога неба просинь,
Вместо трелей ухают пресса.
Весь в огне кузнечный –
словно осень
Заглушает смех и голоса.

Мы работой биты и учёны,
Лезем в пекло премию спасать.
На щеках, от дыма закопчённых,
Пот и слёзы, как в траве роса.

1998

ГРИБНАЯ ПОРА

Нависают, как щетина,
предосенние дожди.
Под зонтами горожане,
словно, мокрые грибы.
Вороха груздей скупают –
их в лесу ведром греби.
Грибники спешат из дома –
выходные впереди!
Вот идут они привычно,
по лесной, слепой тропе.
И оврагом, и полями –
не припомнят сами где...
На вокзале в шуме, гаме
растворялися в толпе,
На болоте увязали
в синей ливня бороде.
С сидорами мяли ниву,
упиралась в бёдра рожь.
Громыхало. В грузди лился,
плесканув, тяжёлый дождь.

2000 г

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ

Нехватка воздуха
В России:
Дышать всей
Грудью не могу.

Не мудрено!
Везде крутые
Из воздуха
Куют деньгу!
2003

* * *

Вот и роща, где ушедшим летом
Пела птаха с солнышком вдвоём.
И обдаст калина жёлтым светом
Кисти алым выплеснет огнём.

Словно бы взгляну России в очи
Сквозь дымок осеннего костра,
И увижу птиц далёких росчерк,
Церковь с вязью нового креста.

1987

ЗАВСЕГДАТАЙ БАРА

На финансовом аркане
И притом как лунь седой...
Пиво жидкое в стакане,
Бутерброд с белибердой.

Жаль вас, прошлые кумиры,
Жаль разменной славы медь.
Вам латал купюрой дыры...-
Грех тут мелочью греметь.

Мертвен свет подвальный бара,
Дни он слил и вечера.
Под хмельные тары – бары
Не про завтра, про вчера.
2010

ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО

Посвящается российским
космонавтам.

1

Кольцо есть золотое у России.
Средь тёмных пашен и лесных озёр,
Стоят в могучей красоте и силе,
Стариной кладки, храмы до сих пор.
Когда ещё не строилась Москва
Те храмы в водах отразили лики.
Владимир, Суздаль, Углич,
Кострома,
Загорск и Ярославль ,
Ростов Великий.
Ведь прежде чем, красуясь,
граду встать,
Опоясаться каменной стеною
И город русским именем назвать -
Постройте храм над чистою рекою.

2

А было так: притёк удельный князь.
Персты все в перстнях,
чуть коня охлопав,
Глаза разжёг, без удержу ярясь,
И ну бранить, согнувшихся
холопов!
Под руганью молчали мастера,
О коих слава по Руси ходила.
Междоусобица – ордынская сестра
Их, как и воинов, не очень щадила.

Но пуще чем ордынская стрела,
И пуще гнева от князей великих,
Любовь к Руси сердца их
болью жгла
И просветляла на иконах лики...
А строить храм – не ложкою махать:
С раствором, камнем сложная
работа,
О бражничанье слыхом
не слыхать...
Казалось, с высоты следит
за ними кто – то.

Возвышен небом рукотворный труд,
Ночную мглу костров сжигает
пламя,
И стены белые, как на дрожжах,
растут,
И скоро грянет высь колоколами.
Строители стремятся к высоте,
И улыбаются небесной птице.
Достроят золочёную главу,
И словно бы поставят в небе точку.
А внуки возведут в свой срок
Москву,
В историю вписав златую строчку.

3

Опасно. Под ногой скользит покат
И не всегда спасение верёвки -
Они под ветром и пружинят,
и дрожат
Скользнёшь, как санки с горки
без сноровки!
Но риском заражает высота.
Поближе к солнцу исчезают тени.
Что б тело распрямить
у Божьего креста,

Душой же словно
преклонить колени!
Сроднился Русич с этой высотой,
А коль нечаянно случится оступится
Раскинув руки, вниз летит стрелой.
Удар...И хрипло вскрикнет
словно птица.

4

Немало смельчаков явилось
на Руси,
Которым по плечу небесные
высоты.
Ты инок – песенник,
коров в лугах паси,
Но помни крепко:
чей ты родом, кто ты.
Не за спиной ли мастера стоял
Твой пращур, видел кисть и лик
Рублёва?
А может, меч его как свет сиял
В победном войске
Дмитрия Донского?
Набатом грохали колокола,
Телеги с людом к ним поколесили...
Для православных Русь

всегда была
Есть и прибудет в
нынешней России.
Ты инок к небу подними лицо.
И ведь сквозь время,
светом залитое,
Что для планеты Млечное кольцо -
Как будто для России Золотое.
Ведь ты предчувствовал,
хотя не знал
Что будешь отвечать
за всю планету.
Собор могучий из руин восстал
Похожий на летящую ракету.
И он стартует в заповедный срок
Сверкнёт звездою необыкновенной.
Полёт его светящийся далёк
Стоять ему у звёздных врат
Вселенной.

1991.

КЕНТАВР И БАЙКЕРЫ

(фэнтези)

В греческой мифологии
кентавры лесные или горные
демоны, полулюди, полукони
пристрастные к вину,
спутники Диониса. МСЭ

Байкеры носятся по улицам,
Куда смотрит милиция
(Частный разговор)

1

Уж вечер скромно зажигает звёзды
Забыв квартиры городской уют.
С рябины уличной обламывают
грозди,
С ладоней лодочкою, морщась,
водку пьют.

Газуют и уносятся, как боги,
Не видя семафора свет в упор,
Сцепленье мощно выжимают ноги,

В перчатках руки акселируют
мотор!

Один из них, в металл закован,
кожу, -
Авторитетный байкер, тёмный,
словно мавр,
Но возрастом других моложе.
Ему у рощи встретился кентавр.

Поэты! Потревожу я античность,
И умолчу про вожжи и супонь.
Кентавр же известная вам
личность:
Наполовину человек, наполовину
конь.

Во фрачной паре и с супругой
вкупе.
Вцепившись в фалды, верная жена
Блистала на его могучем крупе.
Пьянила их словесная война.

И байкеры почти оцепенели:

Ванн Дама встретить, уж куда не шло,
А тут кентавр и супруга в теле
Софистикой шлифуют ремесло...

Глотнули водки, обсуждая новость,
А их знакомец выпил из ведра.
Хотел уж, было, о себе поведать повесть,
Но женщина, коварна и хитра:

Помадя губы, и на жизнь хныча,
Хозяйка гордой и заплаканной красы,
Сказала мужу, ждёт его добыча -
В полях широких спелые овсы.

Кентавр гневно топает копытом:
Мол, и не чаял от людей уйти.
Добавил, что с женой давно уж квиты
И могут разбежаться их пути.

Ругнулся крепко греко -русским матом.
Достал монету: лет так тысяч пять.

Динары возраст. « Дуй-ка к нумизматам,
Чем попусту браниться и стенать!»

Казалось, в лиру стукнул свежий ветр
И речь кентавра сладко потекла,
Бежит она волной за метром метр
И воскрешает давние дела.

11

Первый рассказ кентавра

Воином жил я на бреге Эгейского моря.
В схватках кровавых летели военные дни.
Шлём медноликий и меч мне служили, пока я
Мчался к добыче, но смелость в бою потерял.
Страшно, коль копья, как молнии Зевсовы блещут...
Как не погибнув, отвагу в сраженьи найти ?

Видно, меня пожалели всесильные боги:
Снова я глянул опасности смело в лицо.
Стрелы промчались, живую плоть не поранив,
Дротики пали, ломаясь, под стопы коня,
Лезвие в длани противника грозно сверкнуло,
Только слегка скребануло по латам моим.
Конницы нашей гремели по камням копыта,

Часто и ночью мы в жёстком дремали седле.
Так мы к лошадям быстроногим в походе привыкли,
Что и, порою, нужды справляли с коня.
Трудно ногам стало встречаться с землёю
Легче сидеть, озирая изменчивый мир.

Сердце заныло на эти во мне перемены
Я помолился богам, овец заколов Афродите,
Пусть мне поможет от этой болезни моей!
Пало копьё моё надвое сломано ветром.
Звякнул, скатился, крутясь, медный мой щит.
Это сигнал, что услышан я боголюбым Олимпом.
Скоро уснул я, в певучем склоняясь седле.
Чем же одарит меня богиня любви Афродита?
Вот уж над морем пылает заря золотая,
Вот и туманы ползут из широких полей.
Но не пойму: где конь мой могуче игривый,
И не пойму: я сижу или нет на коне?
Пот тут горячий объял, словно пламя!

Вот где разгадка таится коварных богов –
Стал я кентавром, сам, попросился об этом.
Нет. Не спущуся с коня, не ступлю я на почву ногами,
Крепко копыта стоят на кремнистой земле.
Так же с коня облегчиться уже не сумею:
Сросся с ним плотью живою своей.
Ведь не к добру надвое древко сломалось
И покатился, гремя, медный щит...
Нет. Не увидеть в бою мне удачи:
Первым под всадником гибнет израненный конь!
К роще скачу я, дубы, где стоят и оливы
Острые сучья поранили грудь мне и стан.
Пал я на волны Эгейского моря, ослабнув,
Влага солёная вымыла раны мои...

111

Есть в любом гулянье и беседе
У мужчин недолгий дружбы час.
Когда мы, как добрые соседи,
Пьём вино стаканами, что квас.

Русского характера привычка
У бродяги, иль солидного лица,
После перебранки, жаркой стычки,
Распахнуть карманы и сердца.

Байкеры заслушались кентавра
Речь его, хватая сходу, влёт.
Всё бледней его супруга Марфа
Губы сжала и во рту не мёд.

Вот из тех рассказов издалече,
От забытых вековых седин,
Словно память о нежданной
встрече –
Мне запомнился ещё один.

Рассказал кентавр о поэте
Чья известность не дошла до нас.
Так давно он жил на белом свете

Канув в лету в безысходный час.

1V

Второй рассказ кентавра

Хмурый Хитон жил на бреге
Эгейского моря.
Грубый невежа, забытый рыбак –
нелюдим.
Грёб на лодчонке и ставил на
отмелях сети,
Прозябая в убогой лачуге своей.
Раз Аполлон, уколоть затевая
богиню Эрату,
Дар поэтический в сердце безумца
вложил.
Только натуру минула искра
блаженно благая
Прежним остался на вид для
соседей своих.
Но каково было их удивленье
глухое, когда он
Молвил гекзаметром, речи обычной
лишившись,

Что же он бессмертный Гомер, знаменитый Эсхил?
Что, для поэзии выбрал предмет он высокий?
И не подумал. В его полнозвучных стихах
Море синело, качалась лодчонка и сети,
Старый рыбарь, кто вычерпывать воду горазд.
Люди в селениях, наверное, ум потеряли последний:
Денно и нощно безумца твердили стихи.
В ту пору тем краем, вином и рабами богатым,
Правил коварный и хитрый тиран Тацион.
Чтобы убить в развлечениях скучное время,
В мраморный зал, от ручного огня многосветный,
Слугам своим он поэта велел привести.
Спрятался в скальной пещере Хитон боязливый,

Шкуры и камни поверх плоти своей наслоив.
Но Аполлон посылает морского божка, коих много,
Имя его не отмечено там, на высоком Олимпе,
Он породитель весёлых рыбёшек – коньков,
Он и сказал, где забился от страха Хитон.

В мокрой одежде недолго дрожал среди зала,
Где за столами, кубками, яствами скрыты
Шумно и сытно седые вкушали мужи.
Вымыт Хитон, напомажен, и новая тога надета,
Но от волненья голос бедняк потерял.
Это всё видя, испросил Тацион его громко:
«Прячась от шторма, в каком отсиделся ты гроте,

Помнится, долго на море Нептун бушевал?»
Вздрогнул рыбак, и сказал, что спасли его боги:
В лодке на берег доставил он прошлый улов
И обменял на вино и пшеницу из амфор высоких,
Снова укрывшись привычно в лачуге своей.
Сильно смутил он ответом и видом своим Тациона:
Речью красивой, гипнозом приятных стихов.
Тут уж и гости с вопросом к нему обратились –
Всем обо всём стихами Хитон отвечал.
Кто – то уж клялся дубиной в руках Геркулеса,
Кто-то бессмертных Олимпа богов вспоминал
В жизни своей, говорили они, не встречали поэта
Кто бы о низменной жизни так ловко сказал.

Так Тацион поразвлёкся, провёл своё время,
Что и поэта по – царски решил наградить.
Крепкий бурдюк серебром доверху насыпан,
Гости ещё из своих поднесли кошелей,
Мучась, потея, счастливец волок эти деньги,
Долго их прятал у моря среди валунов и камней.
Скоро, разжившись, привёл к очагу он Гетеру,
Скоро судёнышко, сети кому - то продал.
Здесь и закончил кентавр историю о Хитоне.

V

Рокеры мчатся с кентавром, в общей колонне.
С Марфой от злости едва не случился удар...

Слово последнее мы скажем и о Хитоне:
Вскоре отнял Аполлон его певческий дар.

2000 г

ПЕЧАЛЬНЫЙ ВЕРЛИБР

1

Вы были звонким ветром,
Гремящей водой в колодце,
Звёздным снегом,
Вместилищем энергии света.
Может даже бессмертной звездой,
Хотя и живёте на земле.
Вы надели скользкие меха
Из живших когда-то зверей,
Брызнули на локоны и грудь
изморозью духов.
Космическая канцелярия откатала
вам
Судьбу, которую невозможно сжечь
В огне горелки, подарить другу или
врагу.
Вам воспитывать, с муками и
надеждами,
Неблагодарных детей и тиранить
мужа,
Вращающего Сизифов камень
непосильной жизни.

2

Женщина! Вы рванули холодный
гриф штанги,
Непосильный даже для
криволапого, матёрого грузчика.
Выпивающего спирт из синеватой
бутыли,
Закусывающего шматком
желтоватого сала.
Мужа отнесли, как детскую
погремушку,
На финскую кровать,
Прижав к его груди своё мокрое
лицо.
Нет мужчин! В ядовитом тумане
маковой смерти
И палёного алкоголя бродят живые
тени,
Сегодня их праздник плоти.
Спасибо богу начал двуликому
Янусу
И за такого!
Муж шепчет оловянными губами:

« Жена, сходи на базар,
Принеси мешок картошки,
Блесни бицепсами,
Шварценеггер ты мой!

3

По густому синему вечеру
трассирует
Бегущая строка:
«...В скором времени наш город
Превратится в посёлок городского
типа ...»
За рядами равновеликих
замороженных окон
Живут гении живых мольбертных
красок,
Командиры словесных армий и
поэтических шеренг,
Мастера, приручившие голубиные
стаи
Музыкальных нот, садящихся
Прямо на клавиши.
Здесь и составители жизненных
коллизий – режиссёры...

Слышите серебряную трубу
Архангела,
Она зовёт.
Нужен чуткий ум художника,
Большое сердце гражданина.
Но только ветер шипит, покалывая
Щёки словно веткой ёлки.
- Чьи творческие порывы растаяли
Как ледяные звери снежной
королевы:
Красивые, но бесполезные.
Кто сжёг остатки творческих
порывов
В холодном огне призрачных
фейерверков,
Изломал свой талант
По сценам городов,
Кричащих медными глотками
В бездонные уши толпы?!

4

Нас зачаровывает Гамаюн,
Коварная птица воображения.
Нагоняя крылом наркоз, она
шипит:

«Спите, усните, будьте счастливы во сне!»
На Гавайях качаемся на качелях
Пенных волн, бредём
По розовому от жары Египту:
Клюём носом на геометрически правильной
Пирамиде Хеопса, тысячи лет назад
Составленной из каменных кубов рабами.
И Рим, и Испания, и Париж с Эйфелевой башней
Влечёт нас.
А дома, в центре города, плещется,
Наливаясь грязью, огромная лужа.
.....
1998

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо аннотации..... 3
Многоклеточная тьма.....7
Мотив летней ночи.....8
Мне лицо обовьют.....9
Искитимка.....10
У реки.....11
В столовой.....12
Мой пращур.....13
Туда, где в зелени.....14
Ещё в разгаре.....15
Родина.....16
И вновь легко.....17
Рондо.....18
Смятый снег.....19
Родничок.....20
Сивка.....21
Разгрузка вагона.....22
Фергана.....24
Не говорю.....25
Ф.Г.Л.....26
Отгремели весенние грозы.....27
Старый парк.....28
Цыганский мотив.....29

Цыгане.....30
Северный романс.....31
Баллада.....32
Слова прихлынули.....34
Весна.....35
Чудеса в бочке.....36
Паводок на Томи.....37
Вновь листопад.....39
Осень красивая.....40
Ломится ветер.....41
На зимней рыбалке.....42
Такие нынче холода.....43
До хруста стёжки.....44
Шуршит брезент.....46
На демонстрации.....47
Моя улица.....48
Осенний этюд.....50
Грибная пора.....52
Приметы времени.....53
Вот и роща.....54
Завсегдатай бара.....55
Золотое кольцо.....56
Кентавр и байкеры.....61
Печальный верлибр.....73
Содержание.....80

Литературно-художественное издание

Сергей Степанович Побокин

ДОМА – КРОССВОРДЫ

Сборник стихов

Редактор М. Петрова

Компьютерный набор, верстка,
художественное оформление
Седельцева Л.А.

Отправлено в печать 20.12. 2020
Бумага принтерная, формат А4,
Печать лазерная

Тираж 100 экземпляров
Отпечатано в Т.Ч. «Парус»
Кемеровская обл.,
г.Анжеро-Судженск,
ул. Ленина, 15
+